

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ VII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Манфредъ.

Соч. Лорда Байрона.

Манфредъ (одинъ).

Лампада гаснешь — здѣсь и внѣ

Такой же сумракъ, какъ во мнѣ. —

Безъ сна, иль въ спрашномъ свѣ мечпаній,

Я не смыкаю глазъ, или смыкаю ихъ,

Чтобъ взоры углубишь въ лучину золь монхъ,

Чтобъ мыслью обшекашь весь мрачный міръ
страданій,

И черпашь ужасы среди воспоминаній. —

И я еще дышу! —

Я образъ существа живущаго ношу!

О скорбь, ты грозною назначена судьбою

Насъ къ истинѣ вещи унылою спезію! —

Познанья горькій плодъ! — кто больше всѣхъ

позналъ,

Тотъ кубокъ роковой всѣхъ чаще испиваль,
 Всѣхъ чаще грусть ему потокомъ изливалась,
 И рѣдко для него на днѣ

Надежды сладость оставалась!

О бездны мудросши! я въ вашей глубинѣ
 Мнилъ тайны естества читашъ какъ въ свѣтѣ
 дневномъ;

Но что открылось мнѣ во мракѣ сѣмъ плачевномъ?
 Быспрошекущій лучъ огнистою струей
 Блеснулъ, какъ молнія, внезапно предо мной;
 Таинственная нить въ рукѣ моей явилась,
 И свѣтлая сзеза отъ мрака ошдѣлилась, —

Я смѣло въ новый путь вступилъ,
 Ко свѣту взоры обратилъ,
 Но скоро лучъ во тьмѣ угасъ,
 Заспигъ полночныхъ страховъ часъ,
 Сокрылся дальній, свѣтлый міръ,
 И я остался мраченъ, сиръ.
 Туманъ сгустился вокругъ меня,
 Не зрю ни тмы ноцной, ни дня;
 И зло и благо, свѣтъ и мракъ, —
 Надежда, рздость, скорбь и страхъ,
 Все чуждо въ сердцѣ — все, какъ злакъ
 Въ сожженныхъ Ливіи пескахъ.

О вы, парящіе въ Эфирѣ,
 Свободно ошъ шѣлесныхъ узъ,
 Невидимые сонмы въ міръ,
 Могучій таинства союзъ,
 Я васъ на помощь призываю.

И страшнымъ именемъ того,
Кто міръ колеблетъ, заклинаю
Услышатъ гласъ трубы его.

*Звѣзда явлется на темномъ краю горницы;
она стоитъ неподвижно, и въ то же время слы-
шатъ поющій голосъ.*

1 й Голосъ.

Смершнй! я изъ царства грома:
Въ нѣдрѣ облачнаго дома,
Чистомъ, свѣтломъ, какъ струя,
Прошекаетъ жизнь моя.
Подо мною — вихрь и бури,
Надо мною — міръ лазури;
Но и въ нашъ блаженный ликъ
Вопль несчастнаго проникъ;
Въ мигъ покой нашъ возмутился, —
Въ мигъ на помощь я явился.

2 Голосъ.

Мой домъ на вершинѣ алмазной горы,
Гдѣ въ бѣломъ сіяетъ виссонъ,
Союзнымъ лучемъ сребристой луны,
Подъ огромнымъ шапромъ пумановъ и мглы,
Зима на спеклянномъ престолѣ.
Подножіе трона — громады снѣговъ, —
Столпы его — льдины стремнины;
Ихъ корни низходящъ къ жилищу духовъ,
Главы ихъ восходящъ къ державѣ громовъ.
Подошва — цвѣтущи равнины.

Твой голосъ, о смершнй, раздался въ горахъ,
 Въ пущынныхъ хлада вершепахъ,
 Подвигнушы сонмы, какъ волны въ моряхъ,
 Окованны мразомъ въ желѣзныхъ цѣпяхъ,
 Во льдиспыхъ вѣчныхъ заклѣпахъ.
 Пущыни и горы и камни и льды
 Ошвѣтспвуюшъ воплю несчастпныхъ;
 Онъ рушилъ швердыни желѣзной зимы,
 Онъ мчплся чрезъ холмы и доли и рвы,
 Въ сердцахъ раздаешся согласпыхъ.

3й голосъ.

Моя опчизна — дно глубоко
 Тѣхъ мирныхъ и криспальныхъ водъ,
 Гдѣ, какъ въ зеркалѣ, видпшь око
 Лазурный, ясный неба сводъ,
 Гдѣ грозный Аввилонъ не смѣеть
 Равнину моря колебать,
 Гдѣ буря власпи не имѣеть
 Мяшежны волны воздвпгашъ.
 Внезапу гласъ швой надъ водами
 Низпаль, какъ быспрошечный громъ,
 Извилъ равнину водъ спруами
 И всколебалъ мой мирный домъ.

4й голосъ.

Изъ нѣдра Волкана,
 Изъ области шмы,
 Изъ волнь океана
 Кпящей смолы,

Откуда споднами,
 Къ верхамъ голубымъ,
 Восходишь надъ вами
 И пламень и дымъ, —
 Изъ сей раскаленной
 Пучины огня,
 Мольбой дерзновенной
 Ты вызвалъ меня.

5й голосъ.

Чада бурныя Эола
 Колесница мнѣ и конь;
 Опъ его я мчу престола
 Вихрь и громы и огонь;
 Я прошекъ верхи долины
 И моря и берега;
 Слѣдъ мой — въ знойныя пустыни
 Исушенные луга.

6й голосъ.

Мое обиталище въ стѣни ночной;
 Какое сообщество свѣту со тьмой?

7й голосъ.

Звѣзда, съ которой я низшелъ,
 Была мой искони удѣлъ;
 То былъ прекрасный, свѣтлый мѣръ,
 Какъ солнце лившій свѣтъ въ эфиръ,
 Его печенье — шопъ законъ,
 Который вамъ открылъ Невтонъ;
 Но грозный часъ насмалъ суда, —
 Померкла свѣтлая звѣзда

И спала мѣспомъ безъ оспрадъ. —
 Блуждающій въ эеирѣ адъ,
 Развалины природы всей,
 Нестройный хаосъ — снѣдь огней,
 Столпомъ клубящій смраднѣй дымъ,
 Гроза и страхъ мірамъ инымъ,
 Свѣщаясь длинной полосой
 Какъ Эшна пламенной рѣкой,
 Безъ образа, безъ жизни, силъ,
 Чудовище среди свѣшилъ,
 Безъ постояннаго пуши,
 Безъ силъ въ союзъ планешъ войши,
 Бѣгущій въ дальнѣйшій свѣта край
 Ошъ спранъ, гдѣ солнца, жизнь и рай.

Семь духовъ.

Нощь, горы, вихри, адъ, земля, эеиръ и море
 Являются швое разрушитель, смертнѣй, горе.

Промолви, для чего швой гласъ
 Изъ сихъ селеній вызвалъ насъ?

Манфредъ.

Свободы алчу я, я алчу избавленья! —

1-й Духъ.

Но ошъ кого и какъ?

Манфредъ.

Ошъ самаго себя! —

Чишай въ моей душѣ — шамъ язва угрызенья —

Она и въ самый гробъ преслѣдуешъ меня.

Д у х ъ.

Не можемъ дать того, что не у насъ во власти;
 Намъ каждому даны природы мершвой часпи,
 Но духа огнень шокъ пресѣчь
 Лишь можешь шопъ, кто могъ возжечь.

М а н ф р е д ъ.

И такъ забвенія мнѣ силу принесите,
 Забвеніе мнѣ въ ключахъ геенны почерпните!
 Доколь опвершый адъ передъ собою зрѣшь?

Д у х ъ.

Не властны мы и въ семь шы власнея —
 умереть.

М а н ф р е д ъ.

Но погрузить ли смерть меня въ рѣку забвеня?
 Не смерти алчу я — уничтоженя.

Д у х ъ.

Мы всѣ безсмертны, и въ рѣкахъ
 Не плаваемъ забвеня;
 Но въ шонкихъ воздуха парахъ
 Всѣ тайны зримъ швореня;
 Вѣка протекшіе, какъ свѣшь,
 Сіяють передъ нами;
 Въ одно мгновенье шокъ планешъ
 Объемлемъ мы крылами.

М а н ф р е д ъ.

Но что до тайнствъ вашихъ мнѣ? —
 Я ихъ довольно знаю!

Довольно въ слезной сей спрахъ
 Ошъ шаинствъ я стенаю ;
 Но скоро пламень сокрушитъ
 Тѣлесныя оковы ,
 И духъ мой смѣло воспаритъ
 Подъ ваши свѣшлы кровы .
 Я знаю — нѣтъ мнѣ нужды въ васъ ,
 Чшобъ знашь , что я вамъ равень :
 Равно звучитъ мнѣ правды гласъ ,
 Равно я свѣшомъ славень .

Д у х ъ .

Когда спупенью равень намъ
 На лѣшвицѣ шворенья ,
 За чѣмъ , въ противность небесамъ ,
 Ты жаждешь униженья ?

М а н ф р е д ъ .

И шакъ вошще зываль я къ вамъ !
 И духи не въ ошраду !

Д у х ъ .

Мы все даемъ , что можно намъ :
 Богашство , силу , славу .
 Вошь кубокъ съ чудною водой :
 Пей жизни наслажденье .

М а н ф р е д ъ .

Да сгибнешъ горькѣй даръ съ шобой !
 Исчезло упоенье ! —

Д у х ъ .

Одно лишь слово — и швои
 Поклонники шолцою

Манфредъ.

Но прежде образы свои

Явише предо мною.

Духъ.

Какъ звѣзды на шверди небесной ,

Сіяюшь союзы духовъ ;

Но свѣтъ сей не славы шѣлесной ,

Но славы сердець и умовъ .

Спруя быспрошока мгновенно

Полуденнымъ солнцемъ горишь ;

Сіяніе духа нешлѣнно

Земное на время живишь .

Спруя за спруею капишься ,

Та меркнешь — другая въ лучахъ ,

И шѣмъ же свѣшиломъ зашишься

Такъ вѣчное въ бранныхъ шѣлахъ .

До ушра природы злашаго

Невидимъ нашъ ликъ на землѣ ;

Но если ты алчешь земнаго ,

Въ земномъ я предстану тебѣ .

Лучъ свѣша въ спруѣ не зашмишься ;

Онъ свѣшишь въ союзѣ съ спруей :

Безсмертное въ шлѣнѣ явишься ,

Небесное въ ризѣ земной .

Духъ является въ знакомомъ Манфреду женскомъ образѣ. — Манфредъ упадаетъ въ обморокъ. Въ это время духъ изгезаетъ и слышанъ голось ,

поющій сіи слова :

Въ часъ ночной , когда луной

Серебрился море ,

Свѣшишь червь въ правѣ гуспой,
 Огнь блуждаешь надъ водой,
 Надъ могилой парь земной
 Свѣшишь въ метеортъ,
 Звѣзды падають съ небесъ,
 Крикомъ совъ наполненъ лѣсъ,
 И деревьевъ дружныхъ сонмы
 Спашь въ тѣни холмовъ безмолвны,
 Духъ мой будетъ надъ шобой
 Въяшь силой роковой.

И въ полночномъ крѣпкомъ снѣ
 Будетъ духъ швой плѣнникъ мнѣ;
 Чада мрака предъ шобою
 Черной, длинною грядою
 Будушь вѣчно проходить,
 Вѣчно скорбь съ шобою живишь;
 Какъ могильной пеленою,
 Облеченъ мечтаній мглою,
 Вѣчно будешь живишь швой умъ
 Въ темномъ мѣрѣ грустныхъ думъ.

Какъ незримыми цѣпями
 Сердце скованно мечтами
 Узришь въ сѣши чудной сей
 Тайну мощь руки моеи.
 Я, какъ врагъ кровавый съ бою,
 Всюду слѣдомъ за шобою;
 Ты вращаешь взоръ — но я
 Ушекаю, какъ спруя.

Я лечу, какъ быспро пламя,
 Предъ собой, подъемля знамя
 Всѣмъ безчисленнымъ полкамъ —
 Всѣмъ разсыаннымъ мечшамъ.

На пупи швоемъ всегда
 Съши, ужась и бѣда;
 Воздухъ будетъ надъ тобой
 Тяжекъ кляшвой и грозой;
 Какъ шипѣніе змѣи,
 Въ уши вѣтрѣ свистать швой!
 Не найдешь въ порѣ ночной
 Ты насущный всѣмъ покой;
 Солнце въ свѣтлый день взойдетъ,
 Но тебя лишь зной сожжешъ.

Твой пришворно сладкій взглядъ
 Расшворилъ я въ смершный ядъ;
 Изъ швоихъ коварныхъ словъ
 Я изрылъ напасши ровъ;
 Изъ дна души швоей
 Поднялъ я шипящихъ змѣй;
 Сердца кладязь швой глубокоъ
 Я отшверзъ въ полынный шокъ;
 Ядъ измѣрилъ всѣхъ отравъ,
 Всякой пагубы составъ,
 И нашель сильнѣй его
 Ядъ коваршва швоего.

Улыбкой швоею змѣиной
 И хладнымъ сердцемъ швоимъ;

Бездонною лести пучиной,
 Извергшей чарующій дымъ,
 Взоромъ алчбы ненасытной,
 Сбьющимъ призраковъ свѣшъ,
 Сѣрдца измѣною скрышной,
 Горькимъ испочникомъ бѣдъ,
 Съ первымъ погибели чадомъ
 Вѣчнымъ собрашествомъ пвоимъ —
 Тебя заклинаю бышь собшвеннымъ адомъ,
 И казнью злодѣямъ инымъ.

На главу, о льщець, пвою
 Я фіамъ сей кляшвы лью;
 Да не будешь вѣкъ судьбой
 Сонъ и смершь шебъ въ покой!
 Съ вѣчной жаждой умерешь,
 Спрахъ въ близи погибель зрѣшь;
 Цѣнь беззвучная шебя
 Обвиваетъ, какъ змія.
 Огнь и въ сердце и въ чело —
 Кляшвы грозное клеймо.

*Гора Юнгфрау. — Утро. Манфредъ одинъ на
 утесахъ.*

М а н ф р е д ъ.

Вошще духовъ я призываль,
 Вошще я шайны открываль:
 Нѣшь въ цѣлой безднѣ естешва
 На язвы сердца врачевства:

Въ протекшемъ все меня спрашишь
 И грозень будущаго видь ;
 Я въ томъ не власнень — все за мной
 Всемошноу сковано рукой ;
 Но что во власи зрю моей ,
 Тамъ меркнешь слабыхъ свѣтъ очей .
 Земля , несчастныхъ мирна сѣнь ,
 Холмы , поля , свѣпящій день ,
 За чѣмъ вы живы предо мной
 Веселья свѣтлоу красой ?
 А ты , о жизнь природы всей ,
 Твой лучъ естъ адъ души моей .
 Скалы , спремнины , гдѣ спою
 На самомъ пропащей краю ,
 Гдѣ шагъ , гдѣ мигъ , дыханье , взоръ
 Свергаешь въ бездну съ верха горъ .
 Почто я медлю ? — Что я жду ?
 Я вижу смерть — и всляшь иду .
 Я жажду гибели , но страхъ
 Сковаль меня на сихъ скалахъ .
 Нога не дрогнешь въ адъ ступишь ,
 Но бездна спрахомъ мысль кружишь .
 Незримой силоу во шмѣ
 Прикованъ я къ своей шюрмѣ . —
 Такъ ! — страшной вижу я шюрмой
 И мѣръ и жизнь передъ собой ,
 Когда тó можешь жизнью бышь ,
 Чтобы жизнь сердца пережить ,
 Чтобы гробомъ бышь душъ своей ,

Когда померкъ свѣтъ жизни въ ней,
И правды гласъ гремитъ всегда,
Какъ громъ грозящаго суда.

Орель пролетаетъ мимо.

А ты, крылатый спражь громовъ,
Парящій въ нѣдрѣ облаковъ,
Склони полешъ свой къ глубинѣ,
Неси съ небесъ погибель мнѣ;
Но ты парнишь превыше пучъ
Туда, гдѣ меркнешъ смершный лучъ,
Гдѣ вѣченъ свѣтъ и чистъ ээиръ. —
О сколь прекрасенъ горній мѣръ!
Но мы въ сей безднѣ естества, —
Мы — зримый образъ Божества —
Цари природы — мы рабы
Въ цѣпяхъ желѣзныя судьбы.

Слышенъ въ дали звукъ пастушеской свирѣли.

Вотъ звукъ злашихъ природы дней —
Природы въ красотѣ своей. . . .
О еслибъ я симъ звукомъ былъ,
Длханьемъ гласа въ небѣ жилъ —
Живое эхо въ нѣдрѣ горъ —
Свободный, чистый духа взоръ,
Являющій природѣ всей
Пшочникъ красомы своей.

Появляется снизу охотникъ.

Охотникъ.

Серна, какъ молнія, тамъ за скалой
Мелькнула и скрылась,

И съ нею награда работы дневной;
 Какъ въ шучи луна, закашилась, —
 Но кто на крушой высотѣ шамъ стоишь?
 Онъ мнѣ не товарищъ, но смѣло глядишь.
 Никшо изъ жильцовъ въ сей горной странѣ
 Во вѣкъ не бывалъ на такой вышинѣ; —
 Лишь серны съ ловцами подобными мнѣ.

Манфредъ.

(*Не замѣтая охотника*)

О горны цѣпи вѣчныхъ льдовъ,
 Снѣговъ висящія громады,
 Готовыя упасть съ верховъ,
 И попопить поля и грады,
 Падише прежде на меня,
 Сокройше ошъ сіянья дня.
 Одно дыханье въ каждый мигъ
 Васъ можете свергнуть съ горъ крушыхъ:
 Я слышу трескъ вашъ надъ собой,
 Но васъ не зыблешь голосъ мой;
 Падете вы, какъ громъ съ небесъ,
 На нивы, жатвы, степь, иль лѣсъ,
 На мирныхъ жишелей села —
 На шѣхъ, которымъ жизнь мила...

Охотникъ.

Уже туманы къ облакамъ
 Восходятъ изъ долинъ:
 Опасно ходишь по скаламъ
 Онъ съ гибелью одинъ.

Манфредъ.

(*Не слыша его.*) О если бы облылась поги-
 бель мнѣ тогда,
 Мой прахъ спокойно бы спалъ въ нѣдрѣ горъ
 глубокомъ
 И не развѣялся бѣ всѣхъ вихрей быстрыхъ
 шоккомъ;
 Но что до праха мнѣ? — Пусты вѣтръ его
 несешь!
 Я въ бездну, въ адъ. Прощай, небесъ
 опверсшый сводъ!
 Не привлекай меня ты свѣтлостью своею,
 Ты не былъ мой удѣлъ; я въ безднѣ часъ имѣю.
 О бездна, веселись! . . .

Когда Манфредъ готовъ сброситься съ утеса, въ самую ту минуту охотникъ внезапно его схватываетъ и удерживаетъ.

Охотникъ.

Посшой, безумецъ, нѣтъ!
 Когда тебѣ дошло проливенъ солнца свѣтъ,
 Спрашися осквернишь своей преступной
 кровью
 Долины чистыя, цвѣшущія любовью.
 Я не пущу тебя, иди опселя за мной! —

Манфредъ.

Пусти — я изнемогъ и шѣломъ и душой;
 Вѣтръ дуешь вокругъ меня, снѣгъ пылью о-
 сыпаешь;

Кто ты?

Охотникъ.

Спупай за мной, въспрь шучи накопиаешь,
— Здѣсь, здѣсь иди, — вошь проспъ, — у
деревя поспой, —

Дай руку, — ошдохни, — держисъ за поясъ мой.

Мы скоро спустимся съ сей гибельной спремнины
И выйдемъ черезъ часъ, на гладкiя равнины;
Ошшуда на холмѣ ошкроешя мой домъ; —
Дорога не круша — мы скоро ошдохнемъ.

Уходятъ.

*Хижина на Альпiйскихъ горахъ. — Манфредъ и
охотникъ.*

Охотникъ.

Нѣшь, нѣшь; не уходи, побудь еще со мной, —
Ты слабъ — тебѣ еще необходимъ покой;
Когда ты ошдохнешь и шѣломъ и душою, —
Я спущникъ швой — иду повсюду за шобою.

Манфредъ.

Не нужно — пушь мой мнѣ знакомъ.
Нѣшь больше нужды мнѣ ни въ комъ.

Охотникъ.

Нарядъ и видъ швой мнѣ являющъ
Единаго изъ шѣхъ вельможъ,
Копорыхъ замки ошсняющъ
Поля, гдѣ блещеть златомъ рожъ.
Гдѣ домъ швой? — Мнѣ сихъ замковъ пышныхъ
Знакомы шолько лишь враша;

Въ толпу прислужниковъ излишнихъ
 Свобода мной не продана.
 Но всѣ спези ошь горь къ ворошамъ
 Ошь дѣшсшва знаю моего. —
 Гдѣ домъ швой? — Всякимъ изворошомъ
 Довесшь умѣю до него.

Манфредъ.

Не нужно.

Охотникъ.

Такъ со мной объдай

И за просшымъ моимъ шоломъ
 Вина стариннаго ошвѣдай
 И поминай мой бѣдный домъ.

Манфредъ.

О прочь съ кровавымъ ошпріемъ! —
 Иль въ бездну ввѣкъ оно съ шобой не по-
 грузишься? —

Охотникъ.

Въ какихъ мечшахъ швой умъ кружишься?

Манфредъ.

Явижукровь . . . она восходишь къ облакамъ! —
 Она мнѣ вѣчная преграда къ небесамъ.

Охотникъ.

Твой ужась, рѣчи, изшупленье
 Грѣховъ являюшь шяжкихъ слѣдъ. —
 Но успокойся — ушѣшенье
 Подасшь небесное шерпѣнье
 И душъ свяшыхъ благий совѣшь.

Манфредъ.

Совѣшь — шерпѣныя — эшѣ рѣчи
 Не волку слушать, а овцамъ.
 Пусть будутъ стада послушныхъ плечи
 Повинны вѣчно бременамъ! —
 Спудай къ нимъ съ проповѣдью сею; —
 Я съ чернью части не имѣю. —
 Я не товарищъ твой.

Охотникъ.

Благодарю судьбѣ,
 Что я не созданъ бытъ товарищемъ тебѣ,
 Что темный мой удѣлъ не съ свѣтлостью твоею,
 Хотя бы Телль въ тебѣ сіялъ спрѣмой своею. —
 Но что бы ни сбилось съ тобой. . .
 Сноси — сей гнѣвъ напрасенъ твой! —

Манфредъ.

Я развѣ не несу несносной жизни бремя?

Охотникъ.

Но несть, какъ ты — спасенья нѣтъ.

Манфредъ.

Какъ горькій шокъ, мой вѣкъ прошекъ ужъ
 много лѣтъ;
 Но что прошекшее ничтожной жизни время,
 Что быстрыхъ молній въ мракѣ слѣдъ
 Предъ бездной, тысящами вѣковъ ненасытимой,
 Предъ жаждой умереть, во вѣкъ неугасимой,
 Предъ вѣчною рѣкой палѣщаго огня? —

Охотникъ.

Но ты не спарте меня! —
А мой такъ быстро вѣкъ промчался,
Какъ я за серной не гонялся.

Манфредъ.

Не спрѣлки бѣгъ, но жизнь души
Считаешь годы намъ и дни,
Какъ медленъ шокъ сквозь вязкій иль,
Сквозь скорби духъ мой жизнь влачилъ,
А нынѣ степь передо мной,
Пески и камни, вихрь и зной,
И памъ послѣднѣ мои
Исчезнушь жизненны струи.

Охотникъ.

Въ мечшахъ ты мрачныхъ вѣдъ себя.
О какъ оставишь мнѣ себя?

Манфредъ.

О если бы я былъ мечшами окружёнъ! —
О если бы меня тревожилъ страшный сонъ! —

Охотникъ.

Но что, скажи, тебя спрашишь,
Что въ мирной сѣни духъ мушишь?

Манфредъ.

Я, пышный властелинъ Альпійскія вершины,
Подъ кровлей бѣднаго ловца! —
Твой промыслъ шрудный, но невидимый,
Покой и свѣтлая душа,

Дни радости и ночи мира,
 Надежды будущаго міра.
 Когда на эшо все смопрю,
 И послѣ въ мракъ мой взоръ вперю —
 Тогда — но чшо мнѣ пользы въ шомъ? —
 Я мершвъ уже вошелъ въ швой домъ! —

Охотникъ.

Но захошѣлъ ли бы ты мнѣ
 Свой жребій промѣннать?

Манфредъ.

Могули съ гибелью шебъ
 Ошрады я искашь?

Охотникъ.

Да будешь съ неба миръ шебъ;
 Раскаянія плодъ. —
 Желаньямъ чисшымъ и мольбѣ
 Богъ щедро подаешь.

Манфредъ.

Не нужно мнѣ мольбы швоей,
 Не нужно сожалѣнья. —
 Возьмъ злашо — съ нимъ души моей
 Тебѣ благодаренье.
 Возми — ни слова мнѣ въ ошказъ;
 Оно швое — дай руку. —
 Прощай, насшалъ полудня часъ! —
 Благословляй разлуку.

*Долина въ Альпійскихъ горахъ. — Водопадъ. Вхо-
дитъ Манфредъ.*

М а н ф р е д ъ.

Долины свѣжія, средь васъ,
Не спрашенъ полдня знойный часъ.
Лучи палящаго свѣшила
Низходящъ шихо надъ водой
И сводъ смарагдовъ и сафира
Вънчающъ свѣшлою дугой.
Но гдѣ кремнистая гора
Свергаешь въ бездну сползь сребра,
Тамъ солнце свѣшлыми парами
Обратно емлець падшій лучъ,
Жемчужну пѣну вверхъ клубами
Сспремись къ союзу нѣдру шучь. (*)
Въ семь мѣсць шихія прохлады
Мой взоръ одинъ пѣшь опрады.
Сколь сладосненъ пусшныи миръ!
О еслибъ могъ забышь я мѣрь! . . —
Здѣсь въ шихой нѣгѣ обипашъ
И Нимфу водъ сихъ призывашъ!

*Манфредъ подходитъ къ водопаду. Въ сіе самое
время слышнѣть голось :*

Живущій здѣсь безсмертный духъ
Склонилъ къ швоимъ желаньямъ слухъ.

(*) Здѣсь употреблено въ подлинникъ слѣдующее сравненіе: „Стрѣлы солнечнаго лука . . . разсыпають „лучи пнящагося своего свѣша во всѣ стороны, „подобно хвосту блѣднаго коня, на кошоромъ воз- „сядешъ смершь, какъ сказано въ Апокалипсисъ.“

Огонь облекся крошкой мглою —

Я въ ликъ смершномъ предъ шобою.

*Нимфа Альпійкихъ горъ является подъ сводомъ,
который солнечные дуги составляютъ надъ водо-
падомъ.*

Манфредъ.

Прекрасная Нимфа!
 Какъ солнце, швоя
 Сіяешь злашыми
 Власами глава.
 Безсмершіе дышешъ
 Во взорахъ швоихъ,
 Въ семъ видѣ прелесшномъ
 Явѣтся въ Эдемъ
 Дщери земли,
 Когда просіаюшъ
 Нешлѣнною славою
 Ихъ шлѣнны шѣла.
 Твой образъ прелесшншй
 Юношши вѣчнои
 Румянцомъ горишъ.
 Предъ живнію цвѣша
 На шѣлѣ безсмершномъ
 Вся прелесшь земная
 Тускла и мершба;
 Не блещушъ лилеи,
 Не блещушъ снѣга,
 И темны земнаго
 Свѣщца луча.

Прекрасная Нимфа!
 Какъ радуги мира
 Брови швои;
 Какъ свѣшлось ээира,
 Надъ ними играешь
 Вѣчная радость
 Безсмершной весны.
 На нихъ я чишаю
 Прощенье ошвагъ
 Сына земли.
 Къ тебѣ я взываю:
 Дыханіемъ жизни
 Скорбнаго сердца
 Огонь ушолѣ.

Н и м ф а.

О сынъ земли!
 Я знаю тебѣ
 И тайныя силы
 Подземныхъ ключей,
 Гдѣ черпаешь мудрость
 И власшь надъ духами,
 Я знаю тебѣ;
 Глубокія думы,
 Какъ черная шуча
 Надъ снѣжнымъ холмомъ,
 Лежатъ надъ швоимъ,
 Высокимъ челомъ.
 Ты смершннй,
 Извѣсшннй

И благомъ и зломъ ,
 И смершныхъ превыше
 И въ помъ и другомъ.
 Союзно съ кругами
 Колесъ роковыхъ
 Вершится у Парокъ
 Таинственной ниши
 Твоей врешено.
 У сихъ водопадовъ
 Ждаа я шебя.
 Чшо хочешь , о смершный !
 Чшо просишь ошь насъ ?

М а н ф р е д ъ .

Я мрачень шоскою ,
 Какъ здѣшній подлунный ,
 Унылый мірь .
 Я быстрые взоры
 Безсмертнаго духа
 Къ жилищамъ безплошныхъ
 Вошце обращаль ,
 Вошце я изъ нѣдра
 Незримой державы
 Горняго міра
 Оспрады искаль ,
 Искаль я шого ,
 Чего мнѣ не могушь
 Ни воздухъ , ни море ,
 Ни бездна подать .

Искашь ли съ тобою
Еще на земли?

Нимфа.

Чего ты искалъ?
Что выше круговъ
Могучей державы
Незримыхъ духовъ?

Манфредъ.

Искалъ я покоя,
Искалъ угасишь
Горящую совѣсь
Геенны огнемъ!
Но что опровергаю
Ужасныя шайны
Преступнаго сердца? —
Ты вѣдаешь все! —

Нимфа.

Кто можешь извѣдать
Тайны сердцецъ?
Кто можешь измѣришь
Глубокія бездны
Безсмертнаго духа? —
Не шопъ ли единый,
Кто создалъ его?

Манфредъ.

Горесшно сердцу,
Но сладко ушами

Повѣдашь тебѣ,
 Прелеспная Нимфа,
 Тайну мою,
 И въ крошкѣмъ дыханьи
 Небеснаго духа
 Новья жизни
 Испишь аромашъ.

Мой духъ опъ юноши моеи
 Бѣжалъ сообществу людей,
 Дѣла земныя, суешы
 Мнѣ были шѣни и мечшы;
 Кумиръ людей — не мой кумиръ,
 И цѣль моя — не здѣшній мѣръ.
 Въ печали, въ радости моеи
 Я вѣчно спранникъ межъ людей,
 Я образъ смершнаго носиль,
 Но духомъ въ горнемъ мѣрѣ жилъ;
 Союзъ съ людьми мнѣ плѣнь и цѣпь;
 Моя свобода — горы, степь. —
 Тамъ на вершинахъ льдистыхъ скалъ
 Я вольнымъ воздухомъ дышалъ,
 Гдѣ шицы гнѣздъ не смѣли вишь,
 Ни серны пасству находиль.
 Или надъ бурной глубиной
 Носимый бѣспрою волной,
 Я духъ мой гибелью пишаль
 И съ скорбью спрахъ на мѣръ мѣняль.
 Или на сводѣ голубомъ
 Мечтался рай свѣшлый домъ, —

Въ союзъ звѣздъ — въ сей шмыгъ шаровъ —
 Союзъ безчисленныхъ міровъ.
 Мой взоръ искалъ громовъ полещъ,
 Быстропекущихъ молній слѣдъ,
 Мой слухъ прельщаль въ вершепахъ горъ
 Осеннихъ вѣтровъ поздній хоръ.
 Я былъ средь общества людей,
 Какъ холмъ пустынный средь полей.
 Во дни — природы свѣтъ искалъ,
 Въ нощи — мракъ таинствъ проникалъ,
 Доколѣ мнѣ и нощи и день
 Слилися въ сумрачную сѣнь,
 Гдѣ я съ духами обижалъ
 И къ безднамъ вѣчноспи взиралъ.
 Но даръ таинственной судьбы
 Не утолялъ моей алчбы;
 Чѣмъ горьче знаній плодъ сердцамъ,
 Тѣмъ слаще снѣдъ его устамъ.
 Сей быстрой тѣнью прежнихъ дней
 Слѣшу я къ корню мглы моей. —
 Ни мать, ни другъ, ни кто иной,
 Носившій жизни цѣпь со мной —
 Со мной цѣпь сердца не носилъ:
 Всѣ чужды мнѣ — всѣмъ чуждъ я былъ.
 Аспарта, какъ весна цвѣла,
 Во всемъ подобна мнѣ была, —
 Осанка, голосъ, видъ, черты,
 Все тожь — но съ жизнью красоты;
 Равна глубокой думой мнѣ,

Равна любовью къ пишинѣ
 И взоромъ , сильнымъ вдругъ открышь
 Таинственную міра нишь;
 Но что превыше сихъ даровъ ,
 Жила въ душѣ ея любовь ,
 Моцъ слезы лишь и сосрадашь , —
 Я силенъ шолько лишь — спрадашь ;
 Она любила всѣхъ душой , —
 Я иъженъ шолько къ ней одной.
 Смиренье въ ней — души вѣнецъ ;
 Во мнѣ надменность , бичъ сердцецъ.
 Пороки были въ ней — мои ;
 Красы ея — красы свои.
 Астаршу я одну любилъ
 И я Астаршу погубилъ.
 Не винна въ шомъ рука моя ,
 Но сердца горькая струя ;
 Я сердцецъ сердце заразилъ
 И жизни шокъ въ немъ изсушилъ.
 Съ того ужаснаго часа
 Мнѣ мрачны спали небеса ,
 Земля шрепещеть подо мной
 И вѣтры стонъ разносятъ мой ;
 Вершены самыхъ дальныхъ горъ
 Уже не пусты мнѣ съ шѣхъ поръ , —
 Вездѣ я слышу надъ собой
 Мечшаній адскихъ шумный рой.
 Я въ ночь до дня средъ голыхъ скалъ
 Ошъ язвы сердца скрежешалъ ;

Я въ день до ноци клялъ свои
 Огнемъ геенны свѣшлы дни.
 Ошъ неба я не ждалъ оспрадъ,
 Ни грома — пасшь въ опверспый адъ.
 Какъ даръ, я бшенства желалъ,
 Вездѣ я гибели искалъ,
 Но неподвижною судбой
 Къ сей цѣпи духъ прикованъ мой.
 Земля, моря и бездны дно
 Слились въ мечшанье мнѣ одно;
 Огнемъ опчаянья горю
 И мукъ моихъ конца не зрю.
 О ешь ли въ небѣ, иль въ землѣ,
 Чшо можешъ дашъ оспраду мнѣ? —
 Или Аспаршу воскреси,
 Иль жизни огонь мой угаси.

Н и м ф а.

Аспаршы нѣшь у насъ швоей
 И не во власти шо моей.

Исчезаетъ.

М а н ф р е д ъ.

(*Одинъ*) О жалкій мы безумцевъ родъ!
 День каждый скорби намъ несѣшь —
 И смерть, какъ шашъ, — но мы живемъ,
 Спрашимся смерти, жизнь клянемъ.
 Во дни тяжелой цѣпи сей
 Сколь мало ясныхъ счастья дней!
 Сколь рѣдки шѣ часы, гдѣ мнѣ
 Прілшнѣй жизнь, чѣмъ сонъ въ землѣ.

Гдѣ помощи шеперь искать? —
 Уже ли мертвыхъ вопрошаешь? —
 Явился ль предъ глаза мои
 Съ глаголомъ правды тѣнь изъ тьмы?
 Предскажешь ли мнѣ смерть мою,
 Какъ древле падшему Царю? —
 Но ужась духъ объемлетъ мой; —
 Страшусь я тѣни гробовой!
 Доселѣ я не шрепешаль,
 Когда на ужасы взираль,
 А нынѣ льется въ сердце хладъ,
 Страшусь того, въ чемъ жду ошрадъ.
 Но что мнѣ слабыхъ смертныхъ страхъ?
 Иду — лучъ меркнешъ на горахъ.

Уходитъ.

Вершина горы Юнгфрау. — Входитъ первая Судьба, и говоритъ:

Луна восходитъ къ небесамъ
 Надъ нашею главою,
 Мы здѣсь, на снѣжныхъ сихъ поляхъ,
 Гдѣ смертнаго споюю
 Еще не погранъ мягкій снѣгъ,
 Зимы коверъ пушистый;
 Мы здѣсь — какъ тѣнь нашъ легкій слѣдъ
 Не сронишь снѣжной искры. —
 Мы здѣсь надъ степью горныхъ льдовъ,
 Надъ сшкляннымъ океаномъ,
 Подобіемъ морскихъ валовъ,
 Оцѣпенѣвшихъ хладомъ,

Видь мершвыи пѣнящихся безднѣ!
 Мы здѣсь печемъ, какъ буря,
 А шамъ, гдѣ льещя тихій свѣтъ
 Ошь темнаго лазуря,
 Блещишь ушесисшый Колосъ,
 Рѣзцомъ огней подземныхъ,
 Туда Борея шокъ занёсъ
 Громаду шучь сгущенныхъ.
 Тамъ приспанъ наша — дворъ и домъ;
 Здѣсь сеспръ мы ожидаемъ.
 Мы въ Аримановъ сонмъ идёмъ,
 Гдѣ шайны всѣ узнаемъ.

Голосъ внѣ поющій.

Хищникъ плѣненный
 Скованъ въ цѣпяхъ;
 Въ живѣ забвенный
 Гибнешъ въ шепяхъ.

Могучее слово

Какъ молнія въ ноцѣ —
 И войско гошова —
 Онъ въ славу и въ мощь!
 Кровь снова пошомкомъ по браннымъ полямъ;
 Онъ тысящи губишь — но сгибнешъ и самъ!

2 й голосъ, внѣ поющій.

Какъ стрѣлы пернашы неслись корабли;
 Вихрь волны подьемаешъ, шрескъ слышанъ
 вдали;

Ни мачты, ни доски не спаслося одной,
 Ни вопля не слышно, ни швари живой. —
 Одинъ за волосы мной схвачень, спасень
 И жизни изъ всѣхъ недоспойнѣе онъ;
 Измѣнникъ на сушѣ, на морѣ злодѣй,
 Но мною онъ спасся для казни своей.

1 я Судьба.

Градь мира средь ночи
 Подъ снѣю сна;
 Ихъ сомкнушы очи,
 Безмолвны уша;
 Въ мигъ въперъ плешворной
 Заразы, снѣрой
 Пронесся отъ знойной
 Спраны гробовой;
 Онъ шысящи губишь
 Дыханьемъ своимъ;
 Къ опшешствію прубишь
 Звукъ прубный живымъ,
 Но язва несется
 И звука быспрѣй:
 Все вихремъ мяшется,
 Все гибнешъ отъ ней.
 Блаженны шѣ жертвы,
 Не видяшь бича,
 Какъ падають мершвы
 Подъ лезвьемъ меча.
 Сей ужась приводишь
 Вихрь ноши одной;

Вопль утра пизходишь
Пусшынной росой.

Все мершво , все хладно — но солнце взойдешъ ,
Воскреснешъ природа и градъ процвѣшешъ.

Входятъ 2я и 3я Судьбы.

3я Судьба.

Сердца людей у насъ въ рукахъ ;
Ихъ гробы подъ снопой ;
Пусшь вѣшъ плѣномъ смершь въ поляхъ ;
Жизнь слѣдомъ за грозой !

1-я Судьба.

Ты здѣсь , но гдѣ же Немезида ?

2-я Судьба.

Она за нами въ слѣдъ шечешъ:

Немезида входитъ.

1-я Судьба.

Куда шоржешшвенный съ зенра
Ты свой направила полешъ ? —

Немезида.

Я падши шроны возшавляла ,
Законовъ царшво на земли ,
Я чуждымъ хищникамъ опмщала
За кровь неправедной войны ,
Свъшь буйной мудрости подлунной
Я обращала въ мрачну ношь
И арфѣ міра шихоспрунной
Дала согласье , жизнь и мощь.

*Дворецъ Аримана. — Ариманъ на тронѣ въ видѣ
огненнаго шара, окруженнаго духами.*

Гимнъ духовъ.

Хвала подземныхъ безднъ владыкъ,

Тебѣ, могучій Ариманъ!

Твой тронъ — мракъ шучь, вершены дикы,

Державы — бурный океанъ.

Сшихи всѣ шебѣ подвласны:

Речешь — и рушишь ихъ союзы;

Дохнешь — и вихрей сонмъ ужасный

Ошь тяжкихъ опрѣшаешь узъ;

Какъ горы, всходяшь волны яры

На шихой спклянной глубинѣ;

Согласно имъ звучашь удары

И огонь спруиша въ вышинѣ.

Ошь взоровъ швоихъ лучъ солнца бѣжишь,

Ты двигнешь — и сердце земное дрожишь;

Дымныя шучи, волканы огней

Всходяшь подъ быспрой спопою швоей;

Язва, какъ шѣнь, во слѣдъ за шобой,

Ты въ небѣ несешься кометы спезей;

Ошь вѣка до вѣка мѣръ въ цѣпи швоей,

Олшарь швой дымишя кровью людей;

Смерть ежечасно дань носитъ шебѣ,

Гибель и зло — удѣль швой въ судьбѣ.

Входятъ Судьбы и Немезида.

Хоръ духовъ.

Ариману слава!

Каждый день и ночь

Тьмы растешь держава,
Тронъ его и мощь!

Судьбы и Немезида.

Пусть во мрачныхъ безднахъ
Сставишь зло свой шронъ;
Въ свѣтлыхъ царствахъ звѣздныхъ
Царшвуешь законъ.

Входитъ Манфредъ.

Одинъ изъ духовъ.

Кто здѣсь? — О смершннй дерзновеннй!
Пади предъ образомъ владыки швоего!

Другой духъ.

Онъ смершннй, силой одареннй
Превыше духа швоего.

Третій духъ.

Пади и поклонись, здѣсь Царь швой на пре-
ешоль,
О рабъ шѣлесныхъ узъ въ земной плачевной
доля!

Все духи.

Пади и преклони
Чело швое, сынъ праха!
Пади, иль шрепещи
Предъ областшю шраха!

Манфредъ.

Я знаю — гибель ждешъ меня
Въ семь царствѣ сумрака и плина;

Но предъ кумиромъ лесни я
 Не преклоню колѣна!

4 й Духъ.

Смири надменное чело.

Манфредъ.

Давно ужъ я смирилъ его; —
 Я ноши многія во мглѣ
 Склонялъ лице свое къ землѣ;
 На голыхъ камняхъ я лежалъ,
 Главу я пепломъ посыпалъ,
 И верхъ ничпожества людей
 Позналъ я въ немощи своей,
 Когда лишенный жизни силъ
 Предъ скорбью гордый духъ смирилъ,
 Когда надменнымъ билъ челою
 Предъ угнешавшимъ сердце зломъ.

5 й Духъ.

Пади-жь предъ шѣмъ, чья мощна длань
 Вращаешь зло, какъ мечъ во брань;
 Предъ шѣмъ колѣна преклони,
 Кто съешь въ жизни скорбны дни.

Манфредъ.

Пусть прежде самъ падеши во прахъ
 Предъ шѣмъ, чей шронъ на небесахъ,
 Кому нѣтъ мѣры, ни конца,
 И узриши съ шрепешомъ Творца,
 Кѣмъ солнца ясный свѣсъ возжень
 И кѣмъ мракъ ноци сошворень,

Кло въ мигъ дыханіемъ своимъ
Разсѣешь бездны шьмы, какъ дымъ.

Духи.

Но прежде ты, какъ червь и плѣнь
Въ сихъ безднахъ будешь сокрушенъ!

1-я Судьба.

Оставше грозныя слова,
Онъ силъ невидимыхъ глава:
Онъ на челъ своемъ несешь
Глубокихъ думъ безмерный слѣдъ;
Въ своихъ спрдааньяхъ онъ достигъ
До края мощи силъ земныхъ;
Въ полешъ къ свѣтлой высотѣ
Несется къ роковой чертѣ,
Предѣлу неба и земли,
И въ мрачной зришь его дали.

Духи.

За чѣмъ же онъ приходишь къ намъ?

1. Судьба.

О томъ повѣдаешь онъ самъ.

Манфредъ.

Извѣстна аду мощь моя:
Живой въ державѣ смерти я
И движимъ силой роковой,
У мершвыхъ я ищу живой.

Ариманъ Духамъ.

Отверзите ему врата;
Да явицца живая та.

Немезида.

Изъ области пѣна,
 Царства духовъ,
 Изыди изъ пѣна,
 Смерши оковъ,
 Свѣша сіянемъ
 Вновь облечись,
 Новымъ созданьемъ
 Жизни явись.

Является образъ Астарты.

Манфредъ.

Кто ты? — Астарта, иль мечта? —
 Астарты видъ и красоша!
 Но можноль, чшобъ изъ смерши нѣдръ
 Возвѣяль жизни духъ, какъ вѣшрь,
 Чшобъ свѣшъ изъ пѣмы возникъ ярчей
 Сіянья прежнихъ жизни дней.

Немезида.

Могуществомъ силы,
 Воздвигшей шебя
 Изъ мрачной могилы
 Къ сіянію дня,
 Къ дыханію новой
 Жизни струей,
 Промови намъ слово,
 Образъ нѣмой!

Манфредъ.

Она безмолвна, но для насъ
 Ея молчанье — ясный гласъ! —

Не можешь смершью жизнь дышатьъ ,
 Лучъ въ мглѣ , жизнь въ плѣнѣ обижать ;
 Когдабъ не щещная мечша ,
 Ея ошверзлись бы уста ,
 Когда дыханье усь моихъ
 Здѣсь вѣшь воздухомъ живыхъ ;
 Но нѣшь души въ ея устахъ , —
 То призракъ лещи , мершвы прахъ . —
 Вошще низшель я въ мракъ земной
 Искашъ межъ мершвыми живой .
 Прощайте , бездны вѣчной шмы ,
 Мечшаній суешныхъ сшраны ,
 Не можешь жизнь въ васъ обижать ,
 Ни смершь ошраду смершнымъ дашь .

Уходитъ.

*Горница въ замкѣ Манфредовомъ. Везеръ. — Ман-
фредъ одинъ.*

Непосшижимый , свѣшлый ниръ ,
 Какъ ясный надо мной эфиръ ,
 Послѣдній призракъ въ вихрѣ дня ,
 Онъ всѣхъ чудеснѣй для меня .
 Когдабъ не испышалъ собой
 Я свѣша мудрости земной
 И не прошель бы всѣ сшраны
 Подземной мрачной глубины ,
 Мечшался бы мнѣ свѣшлый лучъ ;
 Таиншвенной науки ключъ ,
 Преддверіе блаженшва дней , —
 Печашъ души , — но скоро въ ней

Угаснешь мира быстрый лучь
И снова буря мрачныхъ шучь
Ошкроешь призрака шщещу
И сердца хладну пущошу.

Входитъ слуга и говоритъ :

Пущынный горныя вершины!
Желаетъ видѣться съ шобой .

За нимъ входитъ Пущынный.

Богъ мира, Богъ моей пущыни
Тебѣ да даршвуешь покой !

Манфредъ.

Мужъ праведный ! благодаренье
Тебѣ ошъ сердца моего.
Приходь швой мнѣ благословенье
И миръ ошъ Бога швогого.

Пущынный.

Я долженъ говорить съ шбою !

Слуга уходитъ.

Манфредъ.

Чего ты хочешь ошъ меня ?

Пущынный.

Весь здѣшній край гремишь молвою ,
Манфредъ , безславной для шебя.

Манфредъ.

Ты можешь продолжашь , я внемлю.

Пущынный.

Внимай , Манфредъ , и шрепещи :

Она шришма и въ нашу землю

И въ нашей раздалась шиши.
 Ты, сказано, живешь съ духами
 И роешь въ адскихъ глубинахъ,
 И неизвѣстными пушями
 Измѣрилъ мрачной бездны спрахъ.
 Я знаю, ты исчезъ ошь міра
 И скрылся какъ во гробъ живой;
 Дай Богъ, чшобъ въ эшой сѣни мира
 Невинно длится ошдыхъ швой!

Манфредъ.

Но кто сей слухъ разпротраняешь?

Пустынникъ.

Мои собрашья. . . бурный сонмъ
 Тебѣ подвласшныхъ призываетъ
 На замокъ швой небесный громъ.

Манфредъ.

Пусть онь погибнешь и со мною.

Пустынникъ.

Не гибель я, но миръ несу. —
 Сердечны шайны скрышы шмою;
 Я ихъ проникнушь не ищущъ;
 Но если гласъ правдивъ народа, —
 Еще къ спасеню время есть: —
 Прибѣгни къ милосердю Бога,
 Пролей предъ нимъ пошоки слезъ,
 Ко храму вѣрныхъ обратишя,
 Пади предъ алшаремъ свящымъ,
 И въ нѣдрѣ церкви примиришя
 Ты съ Богомъ и ошцемъ швоимъ.

Манфредъ

О сколь бы ни былъ я грѣхами
 Преступной жизни ошягченъ,
 Но по межъ мной и небесами:
 Я ими долженъ бышь сужденъ.
 Какой у прона вѣчной правды
 Заступникъ смершнй можешь бышь?
 Но я нарушилъ ли уставы?
 Ищи, — гошовся осудишь! —

Пустынникъ.

Не о судѣ и наказаньи
 Тебѣ пришелъ я говорить: —
 О крошкоть, чиспомъ покаянья,
 Гошовомъ сердце изцѣлить.
 Заступникъ нашъ — одинъ, ты знаешь,
 Могушй съ Богомъ примиришь,
 За чѣмъ къ нему не прибѣгаешь? —
 Гошовъ съ любовью онъ просишь.

Манфредъ.

О, нѣтъ прощенья для меня,
 Нѣтъ больше покаянья,
 Но бичъ карающй огня
 И вѣчныя спраданья.
 Чшо можешь въ сердцѣ утолишь
 Зной язвы неизцѣльной?
 Какая казнь ужасна бышь
 Предъ собственной гееной?

Пустынникъ.

Раскайся: огонь поухнешъ сей,
 Надежды крошко пламя

Воздвигнешь жизнь въ душѣ пвсой,
 Какъ рая свѣшло знамя.
 Раскайся — вѣрный сонмъ рабовъ
 Господнихъ предъ шобою:
 Дары ихъ: радость, миръ, любовь,
 Пушь къ райскому покою.

Манфредъ.

Все щещно — часъ мой роковой. . . .

Пустынникъ.

Чѣмъ ближе надъ шобою,
 Тѣмъ больше нужды, громовой
 Ударъ отвесшь мольбою.
 Кто въ морѣ шенешъ, шопъ и вервь
 Съ надеждой жизни емлешъ, —
 А руку мощи слабый червь
 Къ спасенью не приѣмлешъ.

Манфредъ.

Такъ! . . . Слабый червь! . . . и сей урокъ
 Мнѣ данъ уже судьбою;
 Но сколько лѣтъ мой вѣкъ прошѣкъ
 Съ погибельной мечшою:
 Орломъ я къ солнцу мнилъ летѣть
 На крыліяхъ Дедала, —
 Низпалъ съ висошь въ подземну сѣть; —
 Мечта съ меня низпала.

Пустынникъ.

Мечта низпала, но швой взоръ,
 Еще не ищетъ свѣта;

Ты въ мрачныя доли съ свѣтлыхъ горъ
 Склонилъ всю мощь полеша.
 Такъ! сердца испинный зенишь
 Есть глубина смиренья;
 Ты въ ней, но гордый духъ кипишь
 Огнемъ ожесточенья.

Манфредъ.

Во мнѣ свирѣлая судьба
 Рукой неумолимой
 Давно спраданій развела
 Огонь неугасимой.
 Дивися не шому, что я —
 Иль чѣмъ тебѣ кажуся, —
 Но что въ семь пламени огня
 Я съ жизнію борюся.

Пустынникъ.

Увы, несчастный, можешь? . . . я
 Съ тобою незамѣтно. . .
 Такъ слушай. . . .

Манфредъ.

Долго я тебя,
 О странникъ, слушала шщечно!
 Теперь просни!

Уходить.

Пустынникъ.

Я шрепещу! —
 Но можешь мнѣ опкрышься? —
 Въ тебѣ ошрады я ищу,
 О небо! — Мнѣ ль спрашиться? —

Уходить.

Другая горница. — Манфредъ смотритъ на заходящее солнце.

Свѣшило дневное! куяиръ
 Природы дней весеннихъ!
 Тебя племень могучихъ мѣръ,
 Сонмъ ангеловъ прельщенныхъ
 Чшиль славой вышняго Творца,
 Въ шебъ зрѣль образъ Бога. —
 Не ты ли шѣнь его лица,
 Тѣнь свѣшлаго чершого,
 Гдѣ правды чада, какъ ээиръ
 Небесный возсіяють,
 Гдѣ спройны звуки сладкихъ лиръ
 Пѣснь радости възграють?
 Къ шебъ вознесъ я первый взоръ
 Любви и удивленья.
 Проспи! швоихъ не узрю горъ,
 Опщизны наслажденья!

Уходитъ.

Внутренность башни. — Манфредъ одинъ.

Померкли звѣзды, и луна
 Надъ верхомъ снѣжныхъ горъ явилась.
 О сколь прелестна пишина
 Часа полунощи мнѣ длилась!
 Дружнѣй душа моя со тѣмой,
 Чемъ съ свѣшлой радостью природы;

Мнѣ шамъ мечшался мѣръ иной,
 Союзы брашьевъ всѣ народы.
 Въ шакую шочно помню ночь,
 Когда на Тибрѣ я скишался,
 Прешоль вселенной, жезль и мощь
 Въ обломкахъ мнѣ своихъ являлся.
 Древа безмолвно шамъ росли,
 Гдѣ шумны легионы
 На гибель мѣра въ даль шекли,
 Какъ моря бурны волны.
 За Тибромъ песь печально выль,
 Крикъ филина унылый
 Изъ оконъ замковъ исходилъ,
 Какъ призракъ изъ могилы.
 Подъ свистомъ вѣтра умираль
 Гласъ пѣсни часового,
 Печальный кипарисъ стояль
 Въ спѣнахъ дворца злашаго.
 Пѣвцовъ полночныхъ сонмы шамъ
 Согласну пѣснь звучали,
 И лучъ швой, мѣсяць, по гробамъ
 Скользилъ сквозь мракъ печали.
 Такаяжъ ночь шогда была,
 Такой же мѣсяць блѣдный.

Входитъ пустынный.

Ошавъ меня . . . въ сей безднѣ зла
 Нашаль мой часъ послѣдній.

Пустынникъ.

Насталъ послѣдній часъ пвоимъ

Спраданьямъ здѣсь и жизни.

Будь вѣрнымъ спутникомъ моимъ

Подъ свѣшлый кровъ опчизны.

Туть пустынный открывається Манфреду, и онъ узнаеть въ немъ Астарту.



МОСКОВСКИЙ
ВЪСТНИКЪ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1828.

4
18
36

О Г Л А В Л Е Н І Е . 28

Ч А С Т Ъ О С Ъ М А Я .

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

	Стран.
<i>Д. Веневитинова</i> : На новый (1827) годъ . . .	3
<i>М. Лихонина</i> : Звѣзды	140
<i>О. Манфредъ</i> (изъ Байрона)	241
<i>М. Погодина</i> : Нарциссъ (изъ Овидія) . . .	129
<i>Юр. Познанскаго</i> : Аккерманскія степи (изъ Мицкевича)	137
<i>А. Пушкина</i> : Коварность	136
<i>В. С—ва</i> : Опрывокъ изъ первой пѣсни Осво- божденнаго Іерусалима	362
<i>В. Туманскаго</i> : Спансы (къ N. N.) . . .	138
Сѣшованіе	358
<i>А. Хомякова</i> : На Новый 1828 годъ	4
<i>С. Шевырева</i> : Мысль	357
Поэзія (изъ Гёте)	5
— Время и Поэтъ (изъ Гёте)	141
Благодашь (изъ Гёте)	361
Народная пѣсня	140

П р о з а .

Піетро Апоне, повѣсть, соч. Тика (окончаніе)	6
Г-жа Бельоль, опрывокъ изъ В. Скошпа . . .	142
Конрадъ Валленродъ, повѣсть, соч. Мицке- вича	290, 369

Н А У К И .

Нѣчто объ Освобожденномъ Іерусалимѣ, изъ Шатобріана	517
Жизнь растенія (М. Максимовича)	161
Извѣстіе объ измѣреніи градусовъ Меридіана въ Россіи. (Д. Перелощикова.)	304
О Вико и его швореніяхъ	391

К Р И Т И К А .

Нѣчто о характерѣ Поэзіи Пушкина	171
О Тишудѣ Великаго Князя (замѣч. на П. Г. Р.)	203